

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ НАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Актуальность предложенного исследования связана с поиском путей решения очевидной проблемы – противопоставления государства, гражданского общества и индивида. Для этого предлагается использовать альтернативный господствующему ныне в юридической науке позитивистскому воззрению подход, раскрывающий социально-правовую сущность государства, выступающую предметом изучения. При этом государственность рассматривается в качестве одной из форм публично-правового солидаризма граждан. Образуемый ими народ выступает коллективным субъектом властных правоотношений, самоопределяющимся в государстве через консенсуальную волю общественного большинства. Цель статьи – показать, что конституционно заявленный режим народовластия предполагает эволюционный переход к «народному государству», стремящемся к народно-демократическому самоуправлению. В работе использованы общенаучные (анализ и синтез, абстрагирование и выдвижение гипотез) и частнонаучный (конкретно-социологический) методы познания. Новизна заключается в описании механизма самоорганизации народа в государстве, выделении коллективных субъектов социально-политического дискурса, предложении социально-правовой конструкции народного государства. Результаты исследования направлены на переосмысление теоретических взглядов о сути современного государства, обосновывают потребность корректировки правопонимания принципа народного суверенитета для укрепления социального единства в гражданском обществе.

СЕЛИХОВ
Николай Васильевич

кандидат юридических наук,
независимый исследователь
(г. Москва),

selihovnv@mail.ru

Народ;
народовластие;
народное государство;
гражданское общество;
политическое
представительство;
народно-демократическое
самоуправление

Nickolay V. SELIKHOV

Candidate of Legal Sciences,
Independent Researcher
(Moscow),

selihovnv@mail.ru

SOCIAL AND LEGAL CONSTRUCTION OF A PEOPLE'S STATE

People;
people's power;
people's state;
civil society;
political representation;
people's democratic
self-government

The relevance of the proposed research is determined by the search for ways to resolve an obvious issue – the opposition of a state, civil society and individuals. For this purpose it's proposed to use an approach that is alternative to a positivistic point of view that prevails in legal sciences nowadays and that discovers the social and legal essence of a state which serves as a subject for study. At the same time the statehood is considered as one of the forms of public-law solidarism of citizens. The nation formed by them serves as a collective subject of power legal relationship that determines itself in a state through a consensual will of a public majority. The aim of the article is to show that the constitutionally declared order of people's power includes the evolutionary transition to a "people's state" that strives for people's democratic self-government. The work uses general scientific (analysis and synthesis, abstracting and hypothesizing) and particular scientific (specifically sociological) methods of cognition. The novelty is in the description of a mechanism of people's self-organization in a state, in a selection of collective subjects of a socio-political discourse and in proposition of a social and legal construction of a people's state. The results of the research are set to reconsider the theoretical views of the essence of the current state and justify the need to adjust the legal perception of the people's sovereignty principle in order to strengthen the social unity in civil society.

Теория государства представляется систематизированной областью научного знания, оперирующей собственным набором устоявшихся категорий. Слагая их в определенной последовательности применительно к заданной цели (какой-то конкретной грани государства как социально-политического образования), мы иной раз стремимся к результату, выходящему за рамки устоявшихся представлений. В этом процессе важное значение придается логической оценке сути применяемых терминов, а также авторской интерпретации поставленной проблемы.

С этой позиции предлагается взглянуть на государство в целом не через традиционную призму понятия «устройство государства», но через излагаемую в ином срезе категорию «конструкция государства».

Быть может, кто-то заявит о функциональной схожести указанной терминологии и на этом основании критически отнесется к данной постановке вопроса, но она, как думается, позволяет отойти от господствующей ныне позитивистской концепции в понимании природы и сущности государства.

Итак, сегодня теория использует понятие «устройство государства» в качестве устоявшегося факториала, позволяющего рассматривать последнее через совокупность его элементов (классическую «трехчленку» [1, с. 19], объединяющую народ, государственную власть и территорию) [2, с. 74] – в широком понимании, либо в качестве системы органов государственной власти – в стесненном значении. Иногда эти подходы переплетаются, дополняют друг друга в обзорных трактовках. При этом какие-то моменты изучены более глубоко, некоторые считаются менее разработанными. Сводимые в единое функциональное целое, они основали научный догмат о *форме государства*, который видится неизменным и незаменимым исследовательским инструментом.

Но что произойдет, если попытаться выйти за рамки его гранитных сентенций и взглянуть на государство как на публично-организованный народ, на самоопределяющуюся социальную коллективность, управление которой осуществляется не мифическим государством, воплощенным в умозрительной юридической конструкции, а взаимодействующими социальными общностями и отдельными индивидами? Картина резко изменится. То, что подходит для изучения теоретических абстракций (государственная власть и территория), вдруг трудно увязывается воедино с живым элементом столь вольного формального объединения – с народом. Проверочное основание такого суждения просто: нет государства без народа, но народ без него существует. Это если понимать государство некоторой территориально организованной сущностью, образующей *сферу* пребывания народа. Возникает построение, в котором *сущее* пребывает в *абстрактном*. Такое представле-

ние скорее походит на отвлеченное допущение, принимаемое более на веру, чем логически. В результате мы верим, что реально существующий народ живет в осязаемом государстве (как пчелы в улье). Первый материализуется через коллективную социальную общность индивидов, второе – в деятельности своего аппарата и теоретических представлениях. Итог – государство и народ воспринимаются раздельными объектами действительности, и не имеет значения какой, чувственной или умозрительной.

Что произойдет, если физически существующий народ покинет «реально-умозрительное» государство? Что останется в его структуре – учреждения государственного механизма, административно-территориальные единицы? Возможно, но в каком качестве? Административных зданий с табличками и информационных знаков? Не останется даже публичной власти, ибо независимых форм ее объективации от общества так и не придумано. Некоторые попытки ее выражения через возникающие публичные правоотношения все равно упираются в надобность народа, его граждан. Конструкция «государство – юридическое лицо» так и не решило этой задачи. Реализуемая через форму государственного устройства, она лишь как-то структурировала наши представления о публичных средствах и механизмах социального управления, но не решила двух принципиальных вопросов:

1. Как самоорганизуется народ в государстве?
2. Как складывается механизм публичного управления самоорганизованного народа?

Ответ на них можно искать, лишь разрабатывая другие подходы в понимании сущности государства, для чего целесообразно предложить иные конструкции изучаемого явления. Они также будут результатом допускаемых абстракций, но только более функционально применимым к достижению поставленной цели – обоснованию социально-правовой структуры государства, в том числе народного.

Самоорганизация народа в государстве. Полагая народ (публичное единение граждан и их общностей) источником государства, зададим иной контекст в понимании его сути. Традиция эта давняя, но в условиях современности требующая периодической верификации. Известны ее античные сторонники [3, с. 130], склонявшиеся к ней мыслители Средневековья и эпохи Возрождения [4, с. 76–78; 5, с. 133], апологеты XIX–XX вв. [6, с. 645; 7, с. 107]. Оживает она и в наше время [1, с. 17, 34–35; 8, с. 37–38]. Потребность в ней не утратится до тех пор, пока не будет реализован или не уйдет в историю базовый принцип нынешней государственности – народный суверенитет. Он – основная идея, исторически и эволюционно определяющая вектор движения социального управления от единоначалия и правления немногих к самоуправлению народных масс.

Сегодня это может казаться утопией, но есть примеры материализации похожих идеалов. Чуть более столетия назад в мире заправляли монархии, а существовавшие единичные республики воспринимались экзотикой, да и правились они скорее аристократическим меньшинством, чем народными массами. Сейчас положение отзеркаливается. Монархий менее десятка, их изначальное содержание ограничено и безвозвратно подточено изнутри принципом коллективного управления, а в республиках укореняется формальное политическое равенство граждан, растворяются прежние сословные и партийно-организационные основания. Коллективность управления, вытекающая из сути народного суверенитета, в практическом выражении постепенно образует *публично-правовой режим народовластия*. Именно он неуклонно «перерождает» форму публичной организации народа, придавая государственности вид, сообразный коллективным представлениям образующих ее граждан.

Этот процесс выявил очевидную тенденцию: переход реальной власти от социального меньшинства к большинству социума. В краткосрочной перспективе это не осязается, в среднесрочной – допускается. В далеком будущем трудно представить, что все останется неизменным, тождественным сегодняшним реалиям, ибо такого не было никогда.

Народ никуда не исчезнет, но государство станет другим. Все потому, что он и есть в своем самоорганизованном состоянии государство. Меняется народ, меняется государственность, ведь она всего лишь *форма* единения граждан, а они есть его *содержание*.

Причина перманентного изменения государства кроется в развитии и совершенствовании (более качественном сущностном наполнении) признаваемых всем народом политических прав граждан и их общностей. Тому способствует политический плюрализм, публичная идеология, меняющаяся система социальных ценностей, словом все, что раскрывает природу и цели единения индивидов в высшей форме публично-правового солидаризма – государстве. Оно же представляется не когда-то возникшим и неизменным социальным образованием, а *состоянием* постоянно самоорганизующейся коллективности своих граждан (гражданским обществом). Последнее разнородно, стратифицировано, неустойчиво с позиции постоянства образующих его общностей, но оно выступает единственным источником, формирующим правящий коллективный субъект. Таковых всего два: социальные большинство и меньшинство. Попытки объединить их в монолит по идеологическому основанию, т.е. создать единый народ, пока не принесли должного результата. Опыт селекции советского народа показал слабость построения новой государственности исключительно на идеологической основе. Экономика потребовала достойной роли в столь интересном проекте.

Не будем рассматривать особенности возникновения и существования государственности доконституционного периода, оценивать действия народа в ее появлении – это в большей мере интересует историков, но остановимся на другом принципиальном моменте – на эпохе конституционного государства. Именно она как нельзя лучше подтверждает факт государственной самоорганизации народа.

Открывая конституции республик недавнего прошлого и современности, в большинстве их преамбул сразу сталкиваемся со схожими по смыслу выражениями: «Мы, многонациональный народ... принимаем» (Россия), «народ и кантоны... дают себе» (Швейцария), «народ... устанавливает» (США), «народ... провозглашает» (Франция) и т.д. Сразу становится понятно, чьим именем объявляется основной закон (обязательные правила построения и функционирования) государства: не правящим сообществом лучших в лице аристократии или их ставленником, но именем *всего* народа, объединяющего в себе *всех* граждан страны, вне зависимости от их социального и политического статуса. Он – современный формат их единения, который шагнул за рамки правивших прежде социальных общностей – семьи, рода, племени. Не кровные связи и родство стали его основанием, но *общая цель* сосуществования, достижение которой потребовало создания универсального инструмента социального управления – *публичной власти*, правил его применения – *закона* и механизмов реализации – *органов власти*.

Процесс формирования и достижения общей цели в исторической проекции бесконечен и неостановим, подвержен эволюционным коррекциям и революционным преобразованиям. И конституционность государства стала таковой. Социальная коллективность – гражданское общество – со временем нашла в ней способ публично формулировать общую цель, официально закреплять ее и следовать ей, подстраивая государственные и правовые механизмы к воле правящего субъекта. По этому основанию можно сказать, что оперирующее публичной властью и особым механизмом ее осуществления (системой органов) в рамках права гражданское общество и есть государство.

Народ в современном представлении есть *гражданское общество*, первичные элементы которого (граждане), объединяясь во всевозможные социальные общности, формируют единую цель своего существования на занятой ими территории – *публичный правопорядок*. Создавая механизмы собственной властной организации, прописывая правила социального взаимодействия, они становятся «огосударственным» народом. Не монарх, президент или парламентарии, но вся совокупность граждан. Первые выступают лишь организационными проводниками общественной потенции, но не ее первоисточ-

никами, ибо им невозможно воплотить собственный замысел без поддержки остального народа. Известны попытки навязать народу авторитарную волю силой (тирания, хунта) или обманом (олигархия), но такие состояния гражданского общества недолговечны и *всегда* заканчиваются отрешением от власти тех, кто открыто противопоставляет себя народу.

Самоорганизация народа проявляется в солидаризме (единении) его граждан в социальные общности разного порядка. Они могут быть частными (семья, род), публично-политическими (политическая партия, народные фронты), профессионально ориентированными (профсоюзы, лиги, гильдии) и т.п., способны отражать сохранившееся сословное, классовое расслоение общества, словом, дробиться и видоизменяться безгранично. Но такая трансформация коллективности протекает внутри своей общей формы – народа, образующего и обустроивающего свое государство самостоятельно. Только он способен выполнять такую миссию. Ни конкретный индивид, ни малая социальная общность или их разобщенная масса на это не способны. Единство, заложенное внутри государства, есть сплочение образующих его коллективных и индивидуальных субъектов, т.е. социальных общностей и граждан.

Бытует мнение, что народ – вымышленная абстракция, но все зависит от образующих его реальных индивидов. На том строятся позиции политического плюрализма и верховенства прав гражданина перед обществом и государством. Но взглянув на их функционал, понимаешь, что такой взгляд – серьезное и опасное заблуждение. Веруя в него, мы на индивидуальном уровне противопоставляемся социальным общностям. Личное «Я» становится непримиримым к коллективному «Мы!». Но тогда логика указывает на неизбежность развала любого государства и теоретическую невозможность реализации конституционного заявленного народовластия.

Корень сего учения имеет научную природу, ведь наука живет обобщенными понятиями, теоретизируя эмпирику до ненаблюдаемой сущности [9, с. 181–185], в результате чего вполне осязаемая социальная коллективность (в том числе и народ) способна превращаться в теоретическую абстракцию и даже юридическую фикцию [8, с. 47–48, 61, 63].

Несмотря на то что человек мыслит понятиями, нельзя абстрагироваться до бесконечности, ведь в мышлении последние образуют определенные *образы*. Ценность научного мышления в сближении сути эмпирических и абстрактно-логических образов. Каков прок от того, если они принципиально различаются? Как выявить истинный из них?

По этой причине народ не есть научная абстракция, но реально существующая социальная коллективность образующих его граждан. К такой позиции особенно начинаешь обращаться, наблюдая массо-

вые стихийные и организованные собрания граждан по определенному событию. Чего стоят только шествия акций «Бессмертного полка». Собираясь свободной волей, миллионы людей одновременно выражают свою гражданскую позицию. Неужто они создают абстрактность?

Исследуя народ как социальную общность, нельзя внутренне противопоставлять образующие его субъекты: граждан и социальные общности различных порядков. Они не существуют друг без друга. Нет народа без граждан, но последние в государстве всегда образуют таковой, в этактистском значении называемый нацией. Этот подход указывает на вычленение ключевых элементов субъектного состава «государственной» социальной общности – народа. Это граждане и их общественные объединения. Других нет. Социальное единение граждан, наделенное властно-публичной организацией, и есть государство.

Много написано об институтах гражданства и публичной власти, только нужно правильно понимать их значение, раскрываемое в народе. Гражданство официально «цементирует» индивидов через установленные особой связи между собой (государственное родство), а публичная власть непосредственно регулирует их отношения в рамках общепринятых обязательных правил поведения. Эта власть есть социальная функция учрежденного народом *механизма* государства.

Таким образом, народ представляется коллективной социальной субстанцией, в руках которой публичная власть и право выступают средствами поддержания установленного ею публичного правопорядка. Именно он обеспечивает аксиологическое многоуровневое единство социальных общностей и отдельных граждан.

В установлении публичного правопорядка народом проявляется его *самоорганизация*. Что же лежит в ее основе? Ответ однозначен: коллективная *воля* общественного большинства. Она представляется вполне реальным социальным феноменом, объединяющим в себе совпадающие интересы и желания отдельных граждан. Стремление к их реализации большей совокупностью индивидов порождает у них схожие представления и действия, направленные на получение общего результата. Нет внешних (несоциальных) сил, принуждающих людей к взаимодействию, но есть внутренний мотив их единения, выраженный в попытке сообща установить обязательные для всех правила поведения, определить механизмы и средства их практической реализации.

Отсюда следует, что суверенитет народа возможен только через его самоорганизацию, так как не предполагает приложения иной сторонней силы в управлении создающими его гражданами.

Несколько иное значение имеет *самоопределение* народа. Находясь в самоорганизованном («государственном») состоянии, он сам выбирает способ социального управления. Будет ли таковым политиче-

ское представительство или самоуправление либо их смешение, решать ему. Иногда такой выбор выступает следствием эволюционного развития в режимах «по умолчанию» и «непротivления», временами – революционного пути, сопровождающегося активным участием масс в решении общественных вопросов.

На позитивном праве, выступающем средством самоорганизации граждан, его природе и социальной сущности останавливаться не будем, понимание этих моментов остается традиционным. Но заострим внимание на том, как реализуется внутренний мотив социального единства, как еще проявляется элемент самоорганизации граждан в создаваемой ими публичной общности.

Элементы механизма публичного управления самоорганизованного народа. Таковой имеет социальную природу, отражает суть стратификации гражданского общества и вызывает именно те движения и состояния масс и индивидов, которые продиктованы целью их единения. Он есть не система публичных органов, а политико-правовая *структура*, обеспечивающая формирование и реализацию руководящей воли общественного большинства. Органы, лишённые людей, безвольны. Воля – качество, присущее исключительно живому человеческому существу, поэтому даже сторонники позитивизма в обоснование своей позиции выставляли искусственную посылку о том, что народ есть *орган* [10, с. 537; 2, с. 50–51]. Трудно вычленив индивидуализирующие признаки такого допущения, поэтому представление образа «народа-органа» весьма туманно.

Между тем социально-правовой подход, признающий, что при совпадении интересов отдельных людей воля индивидуальная превращается в коллективную, позволяет ясно представить народ в образе сообщества граждан, т.е. единого социального субъекта [11, с. 46], «текучей людской коллективности» (общности), обладающей именно коллективными правами, не свойственными традиционным физическим или юридическим лицам. Среди них право на самоопределение, самоуправление и т.д. [12, с. 102–105].

По этому основанию трудно утверждать о существовании собственной воли у механизма государства в целом или у его какого-то органа, пусть даже избираемого народом. Говоря так, мы проецируем на них волю конкретных лиц, облаченных властными полномочиями, которые за *вознаграждение* и на *профессиональной* основе выполняют управленческие функции от имени представляемых ими учреждений. Не они формально устанавливают публичный порядок, но выступают лишь исполнителями воли большинства граждан.

Можно оспаривать такую позицию, опираясь на реалии жизни, приводить множество доводов о правлении избранного меньшинства и бессилии остального народа. Только это не меняет сути проблемы. Мы

лишь убедимся, что правящее меньшинство самоорганизуется через участие в осуществлении властной функции государственным аппаратом. Он – средство его социального возвышения. Перейдет таковой под контроль остального народа, станет инструментом самоорганизации другой социальной общности. Этот вариант вполне возможен, если принципом публичного управления в государстве является всенародная социально-правовая легитимация управленческих решений. Но о ней позже.

В механизме публичного управления присутствуют следующие элементы:

- взаимодействующие коллективные и индивидуальные социальные *субъекты* (граждане и их объединения);

- *основа* их взаимодействия – социальный дискурс;

- *цель* – формирование воли правящего социального субъекта по определенным вопросам и установление нужного правопорядка;

- *средства* реализации воли правящего социального субъекта – публичная власть и ее аппарат (система властных органов), позитивное право.

При исследовании народа представления о социальных субъектах механизма публичного управления были обстоятельно изложены, но вот основа их взаимодействия, формирующая цель и принцип достижения *консенсуса* в гражданском обществе, нуждается в дополнительном освещении.

Основанием гражданского общества является правопорядок, строящийся на общественном консенсусе. Средством достижения последнего выступает широкий общественный *дискурс* [13, с. 37–39] социальных субъектов, реализуемый через *демократию участия* (участие масс в политике), *плюралистическую демократию* (демократический элитизм) или *полиархию* [14, с. 109]. Образую коллективистский и индивидуалистический (либеральный) архетипы концепции демократии [15, с. 139], они все же имеют упомянутое общее основание: приходя к определенному консенсусу, большинство граждан и их политических представителей формируют мнение коллективных социальных субъектов, участвующих в достижении социального консенсуса. Последний и есть источник всеобщей коммуникации. Через дискурс гражданское общество само определяет и легитимирует варианты социального управления в спектре «представительное правление – народно-демократическое самоуправление»; устанавливает границы допустимого поведения социальных субъектов (правапорядок); реализует посредством правообразования собственную учредительно-коммуникативную власть.

Возникающая в социальном дискурсе всеобщая коммуникация есть практическое выражение публично-правового солидаризма. Он не представляется коллективным принуждением [16, с. 5, 9], так как не содержит одностороннего начала, стремящегося в не-

примиримых противоречиях заместить собой целое. Гражданское общество никогда не станет однородным, где большинство сольется с меньшинством либо уничтожит последнее. Социально-политический консенсус останется единственным средством взаимодействия социальных субъектов, сообща устанавливающих форму публичной коммуникации (образ создаваемого ими государства) и режим его управления.

Социально-политический (гражданский) консенсус представляется сложным явлением, выраженным в *единении и компромиссе* стратифицированного народа (у Ю. Фребеля они выражаются через *согласие и одобрение*) [13, с. 39]. При этом одна из его форм – *единение* – полагается на прямом совпадении интересов индивидуальных и коллективных субъектов и ведет к формированию как социального большинства, так и меньшинства. Другая форма – *компромисс* – строится на взаимных уступках противоположаемых коллективных общностей, т.е. выступает способом выражения их конструктивного взаимодействия. Присутствие обоих элементов есть *обязательное условие* целостности гражданского общества, а наличие социально-политического консенсуса представляется одним из базовых признаков современного государства народовластия.

Почему так? Единение социальных субъектов вычленяет в гражданском обществе *аксиологическую* коллективность. Близость взглядов не противопоставляет ее участников, но придает их отношениям определенную монолитность. Будет ли править в таком государстве возникшее на сем основании социальное большинство или меньшинство – есть историческая закономерность или революционная действительность, но при такой формуле неизбежно возникает ситуация, когда между взаимодействующими поляризованными социальными общностями взаимной гомогенности не предполагается в принципе. Ее разрешение возможно двумя путями:

1) первый путь – перманентного силового подавления публичного оппонента и действий без оглядки на его интересы, который не предполагает широкого гражданского согласия (вариант доконституционной государственности);

2) второй путь – коллективного сосуществования полярных социальных общностей на основе взаимных уступок в общих интересах (вариант конституционной государственности).

Отсюда ясно, что социально-политический консенсус имеет *добровольную* природу и не может быть основан на *принуждении*, которое подавляет *волю* управляемых социальных субъектов. По этому основанию можно также судить о демократичности (народности) государства. Более того, формируемая им коллективная воля – результат сложения *консенсуального общественного большинства*, объединившего в себе основную часть граждан разнородных общностей, возникших путем единения. Кажущаяся парадоксальной ситуация, когда представители внутренне единенных, но противостоящих друг другу социальных групп способны сформировать нечто коллективное и самоуправляющееся целое, не должна восприниматься странной или даже нелогичной. Она объясняется всеобщей потребностью граждан в организации своей жизни через публичный механизм, свойственный государству, выступающему особой формой публично-правового солидаризма.

Опираясь на предложенные логические посылы, можно говорить о существовании и взаимодействии двух видов социального большинства: *аксиологического* и *консенсуального*. Природа их различна, но взаимодействие вполне подтверждает предположение о широком социальном дискурсе.

Схематично его основание (консенсуальное большинство), возникающее между коллективными социальными субъектами в процессе дискурса, можно вычленить следующим образом:

Коллективные субъекты социально-политического дискурса

- I - аксиологическое общественное большинство
- II - аксиологическое общественное меньшинство
- III - консенсуальное общественное большинство

Из предложенной схемы видно, что основанием правопорядка в государстве с широким социальным дискурсом является *воля* консенсуального большинства, но никак не *воля* большинства аксиологического. При этом от представителей аксиологических общностей, пребывающих вне консенсуального большинства, не требуется отказаться от своего убеждения, а достаточно лишь удержаться от его насильственной реализации. Поэтому, пока социальные общности способны к добровольному компромиссу, «огосударственный» народ существует. С его исчезновением последний рассыпается на противостоящие группы. В их крайнем (открытом) противостоянии государство либо исчезает, либо меняет структуру своего публичного управления, а значит, устанавливается иной правопорядок.

Тут есть один важный момент: пока в народе не сформируется устойчивое консенсуальное большинство, существование государства пребывает в опасности. Временно правящий социальный субъект (одно из аксиологических общностей) вынужден силой или угрозой ее применения утверждать новый правопорядок. Такой режим недолговечен. Он делает дальнейший дискурс невозможным, что провоцирует новое открытое противостояние в гражданском обществе. Нечто похожее сейчас наблюдается в Донбассе.

По этой причине можно утверждать, что нельзя уничтожить государство, просто разгромив его армию, закрыв его учреждения или отстранив от власти пребывающих в них чиновников. Народ организует новые органы, наполнит их своими представителями. Государство исчезнет лишь в том случае, когда социальные общности утратят потребность в сосуществовании под единым управляющим началом – волей консенсуального общественного большинства. В таком состоянии они более не осознают себя единым народом, но стремятся к обособлению. Пример тому распад большинства империй. Даже СССР, опиравшемуся на стройную идеологию, не удалось одолеть националистические центробежные силы.

Государство также прекращает существование при невозможности самостоятельного формирования народом механизма публичного управления. Как правило, это следствие внешнего вторжения, нарушающего процессы самоорганизации гражданского общества. Внешняя сила заменяет собой публичную власть, действует через собственные институты и учреждения.

В чем же выражается публичный социальный дискурс? В широком обсуждении и восприятии проблем управления гражданским обществом, а также в коллективной социально-правовой легитимации решений, принимаемых в этой области. Уровень такой коллективности количественно и качественно влия-

ет на формируемое в народе консенсуальное большинство. Зависимость эта проста: чем точнее учтено мнение каждого гражданина, тем весомее авторитет консенсуального большинства. Объяснение этого кроется в качестве реализации политических прав социальных субъектов. В противном случае они превращаются в обычные декларации.

О таком взаимном движении аксиологических общностей в процессе социального дискурса упоминает И. Ю. Козлихин, анализируя современные концепции демократии. В полиархии он видит сближение социального меньшинства и большинства, в ней за избранными гражданами политическими элитами (политическими представителями) закреплено право принятия управленческих решений, а за остальным народом сохраняются общие контрольные функции [15, с. 164]. Подобное многовластие, закрепленное правом, представляется воспринятой гражданским обществом системой разрешения противоречий между коллективистской и либеральной (индивидуалистической) концепциями демократии [15, с. 146, 150–152, 154], т.е. между аксиологическими общностями. Почему бы и нет. Отдельные формы непосредственной демократии подтверждают данное предположение.

Общенародные референдумы и выборы есть не только правовые формы выражения индивидуальной воли каждого гражданина, но и инструменты формирования воли консенсуального общественного большинства. Она, как известно, не совпадает полностью с воззрениями конкретных социальных общностей, но представляется результатом публичного компромисса между ними, ибо внутреннее индивидуальное или коллективное несогласие со взглядами политических оппонентов еще не есть неизбежный повод к открытому силовому противостоянию. Последнее в практике замещается институтом политической оппозиции. В этом контексте демократия справедливо видится особой правовой процедурой согласования интересов, принятия и исполнения решений [15, с. 154].

Разворачивая эту идею, мы ныне начинаем рассматривать демократическое государство самоуправляющейся общностью его граждан, реализующих свои права на индивидуальном и коллективном уровне в условиях особого политического режима, в основе которого пребывает *воля* консенсуального общественного большинства. Эта *воля*, иногда называемая «народной», представляется реальностью и должна восприниматься волей государства [17, с. 64, 69–70].

Становится понятным, что всякое государство образовано его народом, но какое из них сегодня следует считать «народным», рассмотрим отдельно.

Конструкция народного государства. Понятие «народное государство» как особая категория введено в научный оборот М. А. Рейснером, предложившим о нем целое учение [18, с. 232]. Обойти его вниманием нельзя, ибо оно представляется срезом представлений того времени о путях воплощения в жизнь идеи народного суверенитета. Собственно, это лишь подтверждает актуальность сохранившейся поныне проблемы поиска и обоснования истоков публичной власти в народе.

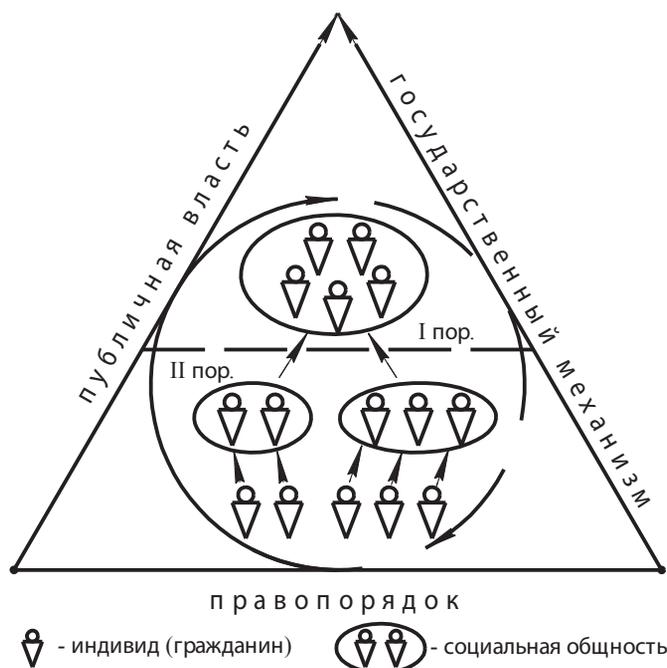
Он видел возможность реализации народом суверенитета в государственности особого типа, которую назвал «народной». Правда, признаки таковой М. А. Рейснер скорее выводил из анализа положений-формулировок конституций отдельных стран (Швейцарии, США, Франции, Бельгии и т.д.), представлявших народ коллективным субъектом правоотношений, а также модной в то время марксистской доктрины. Среди них: политическое, экономическое и международное равенство граждан; правление социального большинства (малоимущих классов) при условии уважения гражданским обществом политических и экономических прав индивида; невозможность делегации народом всей власти политическим представителям; свобода от засилья политических партий и олигархического капитала и т.д. [18, с. 232–247]. Ни один из них, анализируя более позднюю и современную литературу, не утратил своего значения. Изглажено только идеологическое основание.

Между тем М. А. Рейснер не высказал своего отношения к позитивистскому догмату о форме госу-

дарства, более упирал на отдельные аспекты устройства в нем социальной справедливости. Он также видел государство инструментом реализации интересов конкретных социальных общностей, т.е. выделял его из гражданского общества, что прямо не отождествляет его позицию с социально-правовым подходом в понимании сути государственности. Однако предложенный им термин удачно раскрывает содержание последнего и с новым наполнением способен развернуть внимание теории в сторону социологии государства, исправив очевидную позитивистскую односторонность. Нечто похожее давно наблюдается в правоведении [19, с. 201–202]. Борьба альтернативных взглядов (теорий) – единственное лекарство в данном случае.

Современное «народное» государство вбирает в себя базовые элементы, присущие любой государственности. В нем присутствуют все те же индивидуальные и коллективные субъекты (граждане и их общности), особые средства социального регулирования (публичная власть и государственный механизм), сложившийся на основе закона правопорядок. Теоретически оно вырастает из конституционно закрепленного принципа народного суверенитета, а многие ориентиры развития совпадают с предложенными М. А. Рейснером. Но есть момент, предметно отличающий таковое от иных государств. Его управление осуществляется консенсуальной волей общественного большинства при технической роли политического представительства, что можно выразить следующей схемой:

Социально-правовая конструкция народного государства

В ней реализован социально-правовой подход к пониманию сущности государства, в котором индивидуальные и коллективные субъекты II порядка (граждане и их социальные общности) образуют *единую* социальную общность I порядка – народ. В нем пребывает как консенсуальное общественное большинство (правлящий социальный субъект), определяющее правопорядок, так и не примкнувшие к нему на уровне убеждений представители аксиологических общностей. Вращающаяся по часовой стрелке окружность, обозначенная сплошным и прерывистым пунктиром, подразумевает взаимосвязанные *процессы* формирования через общественный дискурс и консенсус воли правящего социального субъекта, ее возведения с помощью учредительно-коммуникативной власти в ранг должного социального поведения и обязательного исполнения всеми субъектами правоотношений посредством исполнительной власти государственного механизма. Ввиду их цикличности такой способ социального управления называется *самоуправлением*. Публичная власть и государственный механизм в нем выступают организационно-коммуникативными средствами, но никак не самостоятельными субъектами властного управления, следующими собственной воле. Упорядоченные согласно схеме элементы конструкции в функциональном режиме и представляют собой *механизм* публичного управления самоорганизованного народа.

Должное социальное поведение в самоуправляющемся «народном» государстве конкретизируется через коллективную, точнее, всеобщую, публично-правовую легитимацию управленческих решений, которая оформляет признание гражданским обществом воли правящего социального субъекта [14, с. 120, 111–112, 115]. Она реализуется как через основные формы непосредственной демократии (референдум, народную правотворческую инициативу и т.д.), так и через контролируемое политическое представительство, действия которого консенсуальное общественное большинство вправе поддержать или осудить в любой момент посредством прямого волеизъявления, предусмотренного законом.

Таким образом, народное государство – государство самоуправляемого консенсуального большинства, в котором реализуется принцип народного суверенитета. Оно существует до тех пор, пока в нем не происходит подмена правящего социального субъекта аксиологической общностью, особенно социальным меньшинством.

Крайние формы правления аксиологических общностей известны: «чистое» политическое представительство (правление меньшинства) и коммунистическое общество, свободное от государства (самоуправление единого народа). Можно ли их причислять к «народным» государствам?

Первое однозначно к таковым не относится, так как правопорядок в нем формируется в режиме не самоуправления, а «повиновения и властвования» [20, с. 34–35], «господства и подчинения» [21, с. 9] и т.п. Оно характеризуется *правовой безответственностью* политических представителей перед остальными гражданами за принимаемые решения. Какой бы резкой ни казалась приведенная формулировка, но ее суть вытекает из природы «свободного мандата». Дело в том, что «чистое» политическое представительство исключает возможность формирования полноценного консенсуального общественного большинства, так как оно не гарантирует учета воли каждого гражданина и даже аксиологической общности, реализующих собственные политические права, при принятии законотворческих или управленческих решений. Воля политического представителя, наделенного «свободным» мандатом, ни в теории, ни в практике не связана волей его избирателей. По этой причине современные государства, организованные исключительно на властном *правлении* народом, осуществляемом социальным меньшинством, называть народоправными не приходится. В них действует политико-правовой режим *властного доминирования*, основанный на императивных возможностях государственного аппарата. Социальный консенсус в таком случае представляется юридической фикцией. К таким государствам следует относить страны, попадающие в рамки классической классификации по форме правления (президентские, парламентские, смешанные республики). Интересно, как же в реальности классифицировать либерально-демократические и социалистические республики, в которых последнее слово формально, да и зачастую в практике сохраняется за народными массами? Тут напрашивается следующая мысль: коль скоро категория «форма правления» рождена позитивистской «трехчленкой», то ее использование с позиций социально-правового подхода к пониманию сущности народного государства не имеет определяющего значения, ибо лежащий в его основе народный суверенитет не предполагает иного правящего социального субъекта, кроме народа. Ни президент, ни парламент, ни их тандем, но только консенсуальное общественное большинство управляет таким государством. Они лишь технические исполнители воли последнего. В представительном государстве наоборот: правящими субъектами выступают избранные гражданами индивидуальные и коллективные органы. Но тогда в полной мере невозможна реализация идеи народного суверенитета, потому как декларируемый источник публичной власти подменяется реально правящим.

Можно также приводить доводы о неформальном аристократическом или партийно-идеологическом засилье в либерально-демократических и социали-

стических республиках, но в них сохраняется реальная возможность формирования консенсуальной воли общественного большинства. И вот почему.

В либерально-демократических и социалистических государствах существуют правовые механизмы социального контроля за политическим представительством. Первые осуществляют его через уже упомянутую всеобщую публично-правовую легитимацию наиболее важных управленческих решений (например, в Швейцарии); вторые – через вовлечение широких масс в управленческие процессы, в которых подконтрольное консенсуальному общественному большинству политическое представительство действует в рамках «императивного» мандата, т.е. выступает проводником воли правящего социального субъекта (это наблюдается во всех современных социалистических государствах).

В коммунистическом обществе согласно марксистской доктрине существование государства вообще невозможно, ибо последнее всегда выступает орудием классовой борьбы, которой в коммуне (новой форме публично-правового солидаризма) нет в принципе. Да, подобно «народному» государству оно самоуправляется, но публичная власть и государственный механизм более не воспринимаются в нем основными средствами реализации воли правящего социального субъекта и соответственно поддержания должного правопорядка. Их замещает коллективное самосознание и общественное порицание. Не берусь судить об утопичности такого представления, ведь данная конструкция все еще умозрительна и лежит за пределами теоретического осмысления современной науки. По крайней мере идея народного суверенитета не видит государство обязательной для его реализации социальной средой.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что идея полновластия народа, выраженная в его суверенитете, изначально воспринимается *содержанием* коллективного единства людей, а нынешней высшей *формой* его объективации выступает государство. По этой причине конституционный принцип народовластия в конечном счете должен усовершенствовать государственность до самоуправляемой социальной сущности. И этот процесс носит объективный характер. Эпоха самостоятельного представительного правления движется к закату.

В заключение хотелось бы акцентировать внимание и на других важных моментах:

- современному государствоведению в познании социальной природы и сущности объектов исследований полезно расширить теоретические горизонты за пределы господствующей позитивистской теории;

- социально-правовой подход к пониманию сути государства поможет теоретически правильно осмыслить очевидный процесс постепенного перехода власти от политического представительства (правления социального меньшинства) к самоуправляющемуся консенсуальному общественному большинству;

- обновленное правовое освоение (правопонимание) народного суверенитета как базового конституционного принципа современного государства, переложенное в нормативном плане, должно выработать новые подходы к обеспечению социально-политического единства гражданского общества, основанного не на принципе системы сдержек и противовесов социальных общностей в политической сфере, но через общественный дискурс и консенсус между ними.

Иными словами, в этой области знаний требуется обновление как парадигмы, так, возможно, и методологической традиции.

Пристатейный библиографический список

1. Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М. : Норма, 1999.
2. Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб. : Типо-литография И. Трофимова, 1912.
3. Аристотель. Политика. Афинская полития. М. : Мысль, 1997.
4. Падуанский М. Защитник мира. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2014.
5. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1991.
6. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
7. Магазионер Я. М. Общее учение о государстве. 2-е изд., перераб. Петроград : Кооперация, 1922.
8. Черепанов В. А. Проблемы российской государственности: опыт системного исследования. М. : Норма, 2018.
9. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М. : Наука, 1978.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Изд. юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. Т. I.
11. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1994.
12. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Изд. центр «ACADEMIA», 1995.
14. Козлихин И. Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб. : Изд-во СПбУ, 1993.

15. *Козлихин И. Ю.* Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2012.
16. *Чичерин Б. Н.* Социализм. М. : Университетская типография, 1906.
17. *Керимов А. Д., Куксин В. Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма, 2018.
18. *Рейснер М. А.* Государство. Ч. II: Государство и общество. Ч. III: Государственные формы. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912.
19. *Жуков В. Н.* Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М. : Юрлитинформ, 2013.
20. *Кистяковский Б. А.* Сущность государственной власти. Ярославль : Тип. Губернского правления, 1913.
21. *Кабышев В. Т.* Прямое народовластие в советском государстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974.

References

1. *Mamut L. S.* People in the State of Law. Moscow, 1999.
2. *Gessen V. M.* The General State Doctrine. St. Petersburg, 1912.
3. *Aristotle.* The Politics and the Constitution of the Athenians. Moscow, 1997.
4. *Paduansky M.* The Defender of the Peace. Moscow, 2014.
5. *Hobbes T.* Essays. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1991.
6. *Weber M.* Selected Works. Moscow, 1990.
7. *Magaziner Ya. M.* The General State Doctrine. 2nd ed. St. Petersburg, 1922.
8. *Cherepanov V. A.* The Issues of the Russian State System: The Experience of System Research. Moscow, 2018.
9. *Shvyrev V. S.* Theoretical and Empirical Part of the Science Cognition. Moscow, 1978.
10. *Jellinek G.* The General State Doctrine. St. Petersburg, 1908.
11. *Kokotov A. N.* The Russian Nation and the Russian Statehood. Yekaterinburg, 1994.
12. *Kokotov A. N.* Trust. Distrust. Law. Moscow, 2004.
13. *Habermas J.* Democracy. Mind. Moral. Moscow, 1995.
14. *Kozlikhin I. Yu.* The Idea of a Legal State: The History and Present Days. St. Petersburg, 1993.
15. *Kozlikhin I. Yu.* Selected Works. St. Petersburg, 2012.
16. *Chicherin B. N.* Socialism. Moscow, 1906.
17. *Kerimov A. D., Kuksin V. N.* A Powerful State as a Defining Factor of the Public Progress. Moscow, 2018.
18. *Reisner M. A.* State. Part II: The State and Society. Part III: The State Forms. Moscow, 1912.
19. *Zhukov V. N.* Philosophy and Sociology of Law: Experience of a Pluralistic Approach. Moscow, 2013.
20. *Kistyakovsky B. A.* The Essence of the State Power. Yaroslavl, 1913.
21. *Kabyшев V. T.* The Direct People's Power in the Soviet State. Saratov, 1974.